

2. Сингэки,

как он есть

...На улице по-прежнему шел дождь.

У нас, как говорится, театр начинается с вешалки. В Японии — с подставки для зонтов. Ее обычное место на улице, у театрального подъезда. Подставка разделена на ячейки, по количеству мест в зале. В ячейку опускаешь зонт, вытаскиваешь щеколду-пластинку с определенной цифрой, и добро пожаловать в парадные двери. Щеколда не запер, нет, а что-то вроде номера, чтобы потом быстрее найти свой зонт. Поэтому после спектакля люди у подставки не толпятся.

Проделили и мы с Люсей Тузовой — воспитанницей МХАТа, женской судьбой заброшенной на время в Токио, — всю эту несложную процедуру, прежде чем попасть в зал «Хайюдза», где давалась премьера чеховской пьесы «Три сестры». Театрик, прямо скажем, невелик, кресла расставлены с максимальной пользой. Фойе нет — так, что-то вроде узкого коридора. Но зато небольшое это помещение имеет одно бесценное качество — помещенье театра свое, собственное. Большинство театральных помещений (а их свыше 650) принадлежат различным компаниям, таким, например, как «Тохо», имеющей и свои кинотеатры. Труппы всего лишь арендаторы. Есть среди этих помещений солидные, ультрасовременные, оборудованные по последнему слову техники. Взять хотя бы «Ниссэи», где мы смотрели «Анну Каренину», или «Токио Такарабука», на сцене которого в эти дни шла драматическая опера «Ю Мей-ёш» — очень яркая, с хорошими вокальными и танцевальными. В отличие от традиционного театра Кабуки, где и женские роли исполняют мужчины, эта музыкальная труппа состоит сплошь из девушек. Естественно, они поют и мужские партии. Но, что удивительно, непостоянный зритель сию секунду морфозу обзаводит только после подсказки. Видимо, необычная форма и красочность костюмов, декораций, сказочность сюжета, мелодичная сложность ступеней разности. Такой же однополостью, если позволено будет так выразиться, отличается и «Шоппинг герлз ревио» — ансамбль танца и эстрадной песни, славящийся высоким уровнем режиссуры, тонким вкусом художника, артистизмом исполнителей. Современные танцы и песни народов мира (из них состояла программа, которую я видел) не искажены ни на-

ВСТРЕЧИ НА ДАЛЕКИХ МЕРИДИАНАХ

Только что из Японии

летом полностью, ни вычурностью, ни фальшиво. Это, конечно, далеко не значит, что в Токио нет эстрадных площадок, где не идут программы, не достойные цивилизованного человека. В районе Уэно я видел рекламу «Стринг-шоу». Это уже не одиночное, а групповое развлечение, сопровождаемое непрерывными действиями. Но, как мне говорил Носено Нацзакэ, профессор университета Восэда, подобные представления — продукт западной культуры, особенно заметно проникшей в Японию после второй мировой войны.

Однако я отвлекся от театра «Хайюдза». Итак, зал полон, хотя ложь и не блещет, ибо их здесь попросту нет. Интерес к спектаклю повышенный. Люди стоят даже вдоль стен. Занят проход за последним рядом кресел. Зрители — в основном молодежь. Они чутко реагируют на реплики героев. Особенно на те места пьесы, где говорится о каждой настоящей жизни, творческого труда, о будущем. А слова несчастного, затюканного Андрея «настоящее» — противно, но зато, когда я думаю о будущем, то как хорошо» встречаются горячим одобрением всего зала. Корей Сэнда — постановщик «Трех сестер» сосредоточил

акцент пьесы на дальние надежды, которые у героев остаются. Пусть лучшее сегодня не свершилось, но оно придет обязательно. Зреют общественные силы, которые этого добьются.

Надо сказать, ансамбль спектакля ровненький. Сильнее его женская половина. Особенно хочется отметить исполнительниц трех главных ролей. Захваченный их игрой, я порой забывал, что это японская труппа. Игнорации, жесты, внешность удивительно точно соответствуют текст пьесы, с достаточной полнотой раскрывают замысел автора. Другое впечатление оставили мужчины. Они ведут свои роли, не желая этого, чуть в гротесковом плане. Так уж получается. Но это заметно на мой русский глаз. То же самое, правда, в меньшей степени, почувствовал я и на спектакле «Анна Каренина», о чем пойдет речь ниже.

Полноту и цельность постановки «Трех сестер» придавала работа художницы Мити Абэ — жены известного писателя Кобо Абэ, с которым мне удалось провести несколько интересных часов криду. Декорации рецензы лаконично, но без всяких условностей, в реалистическом духе, правдиво передают и интерьер русского

дома, и русский пейзаж в последнем акте.

С не меньшим волнением шел я на постановку «Анны Карениной» в театр «Ниссэи». Это уже нечто другое. Одним словом, богаче. Не в смысле таинственности труппы. Помещение просторнее, отделанное с размахом. Здесь и соответствующее фойе, и буфет, но в японском понимании этого слова.

При входе в театр я заметил, что зрители покупают какие-то зелененькие талончики.

— Зачем это? — спросил я у Кюко Сато, театроведа, кандидата наук, стройной молодой женщины.

— В главный антракт увидишь. Как у вас в школе существует большая перемена, так в нашем театре большой антракт, чтобы успеть перекусить. Спектакли начинаются рано. Люди приходят после работы. Вот в большой антракт каждый и обменивает свой талон на корочку с японскими закусками — рис, рыба, специи — и отправляется в о-о-и туда.

Кюко Сато показала на зал, уставленный столами под белыми скатертями, и на горки длинных коробок.

— Да, и премьера отмечается у нас по-особому. Вы, наверное, заметили и вестнбюле с десятком венков из искусственных цветов? Так

это и есть та самая особенность. Чем богаче театр, тем больше венков.

Действительно, в театре «Хайюдза» их было три.

Зал «Ниссэи» похож на гигантскую перламутровую раковину. Но несмотря на свой размер — в нем свыше полутора тысяч мест, — зал не оставляет впечатления громоздкости. В нем уютно и удобно.

В спектакль я погрузился сразу, без предварительной настороженности, что обычно бывает при языковом барьере. А тут, в Японии, существует для нас еще и барьер внешнего облика. Сейчас, когда я пишу эти строки, мне вспоминаются слова Корей Сэнда: «Японские актеры играют в русских пьесах лучше, чем любой европеец». Я видел русскую классику в США, Англии, Бельгии, других странах и всегда чуточку испытывал какую-то неловкость, боясь за ошибку актера. Здесь, в Токио, на спектакле «Анна Каренина», чувство соперничества меня поглотило целиком. Признаюсь, не раз приходилось прикладывать к глазам платок. Курихара Комаки — известная драматическая актриса, исполнявшая роль Анны, — передала всю бурю чувств своей героини: любовь, горе, счастье, порыв и муки — искренне, правдиво, ни разу не сорвавшись на излишнее фортиссимо. Это истинно красивая женщина и внешне, и сердцем. Нежная и гордая. Голос, дикция, грация Курихара Комаки верно служат образу и внутреннему миру Анны.

Каренин, его играет Микуни Рэнтаро, папротие, сдержан, холоден, расчетлив. Но это не злодей, не замшелый чиновник, скорее порядочный человек, готовый пойти на все ради семьи. Карьера, положение — главное в его жизни. Но чувствуешь, что Микуни Рэнтаро в образе, вычерченном режиссером, — не более. Вронский (Харада Дандзиро) пытается быть Вронским по Толстому. Получается. Однако глубины в нем нет.

«Анна Каренина», поставленная режиссером Абэ Хироцу, — спектакль, чувств. Социальная сторона романа отражена в нем слабо.

Наблюдая изредка за зрителями, я видел покрасневшие глаза, строгость выражения и ни одного равнодушного лица. Что это, родство душ? Величие Толстого, раскрытие в человеке общечеловеческое? Это интернациональный дух русской литературы.

БОРИС ИВАНОВ,
специальный корреспондент
«Советской культуры».

● Курихара Комаки в роли Анны Карениной.

● Момент репетиции спектакля «Анна Каренина».